Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Александр Моисеевич Атабекян
Финансовый вопрос в социальной революции
1922

Скопированно 24 июля 2018 из
http://oldcancer.narod.ru/Atabekian/P/22-67.htm#4

ru.theanarchistlibrary.org

Финансовый вопрос в социальной революции

Александр Моисеевич Атабекян

1922

Кто на деле, а не в мечтах только стремится к социальной революции, — кто знает, что не всегда *„так было“* и не вечно *„так будет“,* — кто верит, что лучшее будущее создастся личными усилиями каждого из нас, а не сомнительной мудростью и милостивой волей власть предержащих, — словом, всякий действительный революционер не может не обратить должное внимание на финансовый вопрос. Он неизбежно натолкнется на него именно в момент перехода от слов к делу.

Помнится, как за 4 или 5 дней до Октябрьского переворота, *подготовка которого заранее была известна,* на собрании деятельных анархистов Москвы, в помещении Московского Союза Анархистских Групп в Мароновском переулке, обсуждался вопрос об отношении в назревавшим событиям. Анархисты решили принять участие в революции с целью придать ей глубокий общественный, а именно, экономический характер. Помнится, как энтузиаст из энтузиастов, т. К. Ковалевич, три года спустя столь

трагически погибший, развивал проект, как анархисты организуют товарообмен с деревней, как они снарядят поезда с мануфактурой, с железными изделиями — косами, вилами, лопатами и т.д., для обмена на хлеб. Но, смутно чувствуя, что этим задача не будет исчерпана, Ковалевич сам же задал себе вопрос: „Ну, а как быть с деньгами?“, и, не найдя на него готовый ответ, воскликнул, энергично хлопнув ладонью по колену: „Деньги… деньги придется оставить месяца на два, на три!“

Так наивно обошел этот основной вопрос человек, на деле доказавший готовность умереть за свои идеи.

Финансовый вопрос — основной вопрос не только для преуспеяния капитализма, но и для успеха социальной революции.

„Одной из самых трудных и неотложных задач для воюющих государств“ — говорил проф. А. Мануйлов на своих лекциях еще во время Мировой войны, — будет, по окончании войны, исправление денежного обращения, расстроенного огромными выпусками бумажных денежных знаков. Решение же этой задачи связано… в конечном итоге с жизнью всего народного хозяйства“.

В России это расстройство денежного обращения, благодаря государственным формам, принятым революцией, проявилось в особенно тяжелой степени. В этом главная причина почему советская власть с такой готовностью согласилась на участие в Генуэзской конференции. Внешний заем, которого она прежде всего добивалась, очевидно, должен был служить улучшению своего денежного обращения, а не для новых, заранее обреченных на неуспех государственных хозяйственных затей.

Если откинуть пошлую трафаретную дипломатическую игру представителей „больших и малых хищников“ (выражаясь по-русски), собравшихся недавно в Генуе, — игру, едва оживленную участием в ней „восточных варваров“

(выражаясь по-цивилизованному), то в конечном счете окажется, что Генуэзскаяконференция была созвана именно для решения той самой „трудной и неотложной задачи“, о которой уже несколько лет тому назад говорил проф. Мануйлов.

Так называемое „разрешение русского вопроса“, *действительное признание Советской России,* — не на „клочке бумаги“ только, называемое признанием de jure, — состоялось гораздо раньше, со времени перехода советской власти к *новой экономической политике*. Правда, этот переход означал собою другое признание, — признание краха *старой экономической политики,* — но об этом лучше помолчать, чтобы не причинить хлопот тем, кто прочтет эти строки *по обязанности,* раньше всех наших добровольных читателей, — тем более, что „старую“ никто уже не жалеет — ни ее бывшие сторонники, ни еще менее противники.

Но прежде чем хоронить „старую“, справедливость требует воздать ей должное: она была никогда и нигде не виданной по своему размаху попыткой заменить в обширной стране денежное обращение государственным управлением народным хозяйством. Неудача этого великого опыта должна послужить отрезвляющим наглядным уроком не для одних только государственных социалистов, но и для многих анархистов от их хозяйственных иллюзий. Причина этой неудачи коренилась не в блокаде, не в гражданской войне, не в территориальном расчленении России; именно, когда блокада была снята, внутренние междоусобия прекращены, угольные и нефтяные районы воссоединены, обнаружилось даже для самых рьяных государственных коммунистов невозможность установить не только внешний, но и внутренний товарообмен без *мерила ценности,* без устойчивых денег.

Если система государственного „общего котла“ потерпела крушение, то что можно ожидать на деле от той идеа-

листической системы товарообмена без денег, без счета, меры и весов, которую Кропоткин сам назвал *своей утопией*[1] и которую многие анархисты восприняли в буквальном смысле слова?

Она имеет одно несомненное преимущество перед государственным коммунизмом: это то, что никто ее не станет навязывать народу ни чрезвычайными, ни обычными приемами государственного воздействия. Но это же самое обстоятельство отбрасывает теорию в область умозрительных возможностей. Для анархистов, не ограничивающихся одними мечтаниями, остается стать на практический путь, намеченный гораздо раньше проповеди Бакунина и Кропоткина, здравым смыслом французского крестьянина, ставшего рабочим — П.-Ж. Прудона. Этот путь, названный им „мютюэлизмом“ (от слова mutuel, взаимный), по существу является кооперативной теорией. Последняя же, как не раз было установлено ее идеологами, вполне совпадает с теорией современного анархизма.

Заслуга Прудона заключается в том, что он задолго до современной кооперации оценил значение кооперативного (взаимного) кредита в деле обновления общественного строя и установил основное условие этого проявления взаимного доверия — его *беспроцентность; даровой кредит* (за исключением небольших организационных расходов) — такова должна быть финансовая основа общественного строя, обновленного социальной революцией. Смысл и значение дарового кредита станет понятнее, если обратить внимание на историческое происхождение процентов. В те отдаленные первобытные времена, когда главное достояние пастушеских народов составлял скот, когда домашние животные являлись своего рода деньгами и служи-

[1] *В предисловии к книге Пато и Пуже — „Как мы совершили социальную революцию“.*

Нужно поспешить вступить на него, пока разные междугосударственные конференции не навязали нам под видом внешних займов или иным образом волю „консорциумов“ капиталистических банков.

Революции совершаются не только на баррикадах. Здоровые финансы не менее необходимы для успеха социальной революции, чем вооруженная борьба.

ли средством длятоварообмена, кредит оказывался в виде скота и возвращался вместе с *естественным приплодом*. Но могут ли современные деньги, современный неодушевленный золотой капитал претендовать на приплод, или проценты, не став тем самым средством для эксплоатации труда? Именно беспроцентностью должна отличаться настоящая кредитная кооперация от капиталистического кредита. Подобно тому как потребительская кооперация торгует не для наживы, а для доставления своим членам предметов потребления по себестоимости, так и кредитная кооперация должна оказывать взаимное доверие без извлечения особых выгод из кредита, нужного для трудового производства или товарообмена.

Но никакая кооперация в современном значении слова невозможна без устойчивой денежной системы. К сожалению, в глазах многих анархистов с понятием о деньгах неразрывно связывается представление об эксплоатации человеческого труда. Они видят в этом испытанном средстве измерять ценности для возможно более правильного товарообмена, одну из главных причин всех общественных зол. Так в отсталых странах, при введении усовершенствованных машин, ремесленники усматривают причину своего разорения в самих машинах и нередко пытаются уничтожить те самые орудия высокой производительности, которые в их руках могли бы стать источником их собственного благосостояния. Пора нам, анархистам, отказаться от подобных упрощенных воззрений на денежное обращение.

Чеканное золото такой же товар, пригодный для товарообмена, как и всякий иной продукт человеческого труда, а потому вся финансовая система, основанная на металлических деньгах, заслуживает полного внимания революционеров для ее использования в деле коренного хозяйственного обновления общества.

То обстоятельство, что государственная власть присвоила монетную регалию и эмиссионное право, превратив финансы в чудовищное орудие для эксплоатации народных масс, должно лишь еще более нас побудить вырвать из ее рук это мощное средство, незаменимое в жизни народного хозяйства и после социальной революции.

Уясним более определенно, что следует понимать под финансами.

Официальные ученые обыкновенно называют этим словом „науку о государственных доходах и их употреблении“ (Леруа Болье) или „исследование способов наилучшего удовлетворения материальных потребностей государства“ (Янжул). Но такое определение, особенно после опытов Октябрьской революции, едва ли правильно. Леруа Болье сам признаёт, что определить, „каковы границы основных задач государства — вещь затруднительная: ибо нет ни одной из этих задач, которая в некоторых странах и в известное время не была исполняема частными лицами одновременно с государством“. Таким образам, границы между государственными и частными доходами и потребностями расплываются. Гораздо правильнее было бы ограничить объем понятия *финансы* и разуметь под этим словом существующую в данной стране денежную систему, которою одинаково пользуются как государственные органы, так и частные лица. То, что до сих пор называют „наукой о финансах“ вернее было бы назвать „наукой о налогах“. Звучит менее красиво, но зато точно.

Чтобы понять истинную причину царящей ныне финансовой разрухи, достаточно бросить беглый взгляд на историю денежного дела. Мировая война и русская революция лишь обострили то, что существовало хронически. Когда читаешь у солидных ученых профессоров, что правильная чеканка монеты, безусловно важная для экономических интересов страны, „может быть достигнута только сосредо-

Насколько национальные банки невелики, видно из того, что 30% общего числа их обладает капиталом менее 50 тыс. долл. … Каждый национальный банк имеет право выпускать банковые билеты, но максимальная сумма билетного обращения банка ограничена суммой его акционерного капитала“ (А. Мануйлов, „Учение о деньгах“, стр. 157).

Можно подумать, что американская буржуазия усвоила идею Прудона, приспособив ее к своим интересам и заменив название „народный банк“, предложенное Прудоном, словом „национальный“.

В применении к анархистским финансовым требованиям американская система означала бы:

1) как вольную чеканку монеты, так и эмиссионное право осуществляют более или менее многочленные первичные кооперативы или местные Союзы кооперативов;

2) денежную систему, нормы и гарантии денежного обращения устанавливают кооперативные съезды и осуществляются по их директивам Советом Кооперативных Съездов;

3) моральный вес Съездов и их Советов будет вполне достаточен, чтобы установить в стране однообразное денежное обращение и обуздать, если сразу не вполне вытеснить, частно-капиталистические банковые предприятия;

4) кооперативные „народные банки“ могут обеспечивать свою эмиссию (аналогично тому, как это делается в Соединенных Штатах) не только звонкой металлической наличностью, но и разными имущественными ценными документами; и,

5) техническое осуществление вольной чеканки монеты и экспедиции *народных* (бывших *государственных*) бумаг переходит в фактическое управление финансового отдела Совета Кооперативных Съездов.

Таков единственный *самостоятельный*путь для серьезного финансового оздоровления революционной России.

Вывод напрашивается сам собою. Ясно, что даже социалистические доктрины не в состоянии удержать государственную власть от злоупотреблений своих предшественниц. *Нужно изъять дело чеканки монеты и эмиссионное право из рук государственной власти.*

Утопия ли это?

Не поучительно ли, что это отделение денежного обращения от государственной власти почти осуществлено в Соединенных Штатах Северной Америки — единственной стране, участвовавшей в мировой войне и сохранившей устойчивые финансы?

В европейских государствах „правом выпуска банковых билетов пользуется оффициально или фактически одно кредитное учреждение (в некоторых странах государственное, в других частное), а в тех странах (например, Англии и Германии), где право выпуска предоставлено не одному, а нескольким банкам, множественность эмиссионных банков существует более на бумаге, чем на деле: один из банков занимает настолько господствующее положение, что остальные являются по отношению к нему незначительными величинами.

„В Америке дело поставлено совершенно иначе. Там, напротив, существует система широкой децентрализации. Кроме того, банковое дело в Соединенных Штатах поставлено исключительно на почве частной инициативы... Правом выпуска (банковых билетов) пользуются 7.300 банков, которые носят название „национальных". Все эти банки исключительно частные, основанные на акционерном капитале. Закон, регулируя размеры этого капитала, устанавливает минимум его в зависимости от числа жителей тех городов, в которых находится банк. В городах с числом жителей до 3000 капитал национального банка должен быть не менее 25.000 долл. (около 50.000 тыс. руб.), в городах до 6000 жителей не менее 50.000 тыс. долл. и т.д.

точением этого дела в руках государства" (Янжул), или что „деньги, в их современном виде, являются продуктом... регулирующей и упорядочивающей деятельности государственной власти" (Мануйлов), а затем, в виде иллюстрации, вслед за этими отзывами находишь в их же сочинениях исторический обзор сплошных злоупотреблений со стороны государственной власти монетной регалией и эмиссионным правом вплоть до современной эпохи, то невольно задаешь себе вопрос: не издевались ли ученые профессора над своими слушателями и читателями?

Было время, когда чеканка денег в разных странах являлась свободным ремеслом. В старой Руси чеканщики назывались *серебренниками* и *ливцами*. По свидетельству проф. Мануйлова, „они чеканили деньги, но были обязаны подчиняться известным правилам и за ними был установлен известный надзор со стороны властей". А так как в России надзор со стороны государства искони означал налоги, поборы и наталкивание на злоупотребления, то на деле оказалось, что „надзор не был, однако, очень бдительным, и поэтому серебренники и ливцы стали отступать от нормы, установленной законом, и чеканили рубль не из 216 денег, а из большего числа их, уменьшая вес отдельной деньги. В Новгороде скоро стали чеканить вместо 216 денег на рубль 230, 235 и даже 240. Это обстоятельство вызвало среди населения сильное недовольство, приведшее в 1447 году к бунту", по поводу которого чеканка монеты была объявлена государственной регалией.

Таким образом, понижение ценности рубля серебренниками и ливцами от 6 до 10% (допустив даже, что они это делали из корысти, а не вынуждаемые к тому государственными налогами и чиновничьими вымогательствами) привело к бунту и государство взяло в свои руки дело „упорядочения" чеканки денег.

Но именно после этого стали проявляться в полном объеме все отрицательные стороны государственной монетной регалии, против которых уже были бессильны народные бунты.

„Когда установилась денежная регалия, — говорит проф. Мануйлов, — то возникло явление, которое при подобных условиях и в соответствующую эпоху наблюдалось во всех государствах: правительство стало стремиться не только упорядочить денежное обращение, но и извлекать из него финансовые выгоды“. Но профессор забыл только указать, в каком государстве и когда правительство перестало стремиться извлекать из монетной регалии „финансовые выгоды“ (выражаясь попросту, обирать народ)? А самое „упорядочение“ денежного обращения, как выясняется из дальнейшего изложения, сводится к техническому усовершенствованию чеканки монеты, (которое, без сомнения, более успешно было бы достигнуто самими серебренниками и ливцами), но никогда не проявлялось в бескорыстной *финансовой честности*.

Так, при царе Михаиле Федоровиче вес серебряного рубля был понижен с 16 до 12 золотников, т.е. на 25%. При Алексее Михайловиче был введен рубль в6¾ золотника серебра, т.е. понижение было доведено до 80%. „Вот какое громадное изменение произошло в весе рубля, начиная с момента возникновения его в древней Руси, когда он равнялся 48 золотникам“, восклицает проф. Мануйлов, умалчивая, что в древней Руси полновесный рубль чеканился вольными ремесленниками.

Но уменьшения в весе было мало для правительства. В то же царствование оно решилось на „выпуск низкопробной монеты. Взамен серебряных копеек (постоянной, общеупотребительной монеты с царствования Иоанна IV), были выпущены медные, по нарицательной цене серебра. Последовало несколько выпусков таких медных копеек, причем первоначально ничего чрезвычайного не произошло: народ, еще не разобравшись, в чем дело, доверчиво принимал новые деньги наравне со старыми“ (Янжул). Прямым последствием этих выпусков было необыкновенное развитие подделки монеты, несмотря на страшные наказания: „более 7.000 человек за этот период были казнены смертью, почти у 14.000 лиц были отрублены ноги или руки, масса была сослана в Сибирь“ (Янжул). Так государственная власть расправлялась с теми, кто покушался на ее монополию на выпуск фальшивой монеты. Ничего не изменилось по существу с тех пор.

После неудачи „заставить население забыть о разнице между медью и серебром“, Петр I, наученный опытом своего отца, стал более умеренно извлекать „пользу для казны понижением качества сплава для чеканки, установив 70-ую пробу вместо фактически существовавшей раньше 88–92-ой“.

Преемники Петра также стремились „извлечь из монетной регалии все, что можно было из нее извлечь путем получения максимального дохода от чеканки монеты“, повествует дальше проф. Мануйлов. Но наибольшей разнузданности достигло денежное дело в руках государственной власти со времени введения бумажных денежных знаков при Екатерине II.

С тех пор государственная власть, *с поразительной преемственностью в приемах,* злоупотребляла эмиссионным правом вплоть до наших дней.

То же самое происходило во всех государствах. Во Франции один король — Филипп IV — получил даже название „фальшивого монетчика“.

Какой вывод должны мы сделать из истории финансового дела?